

Цзян Лэ с волчонком прошёл мимо стола Лю Тяньяна. Тот, правда, поднял голову и взглянул на них, но взгляд его совершенно не задержался на лице Цзян Лэ. На лице волчонка он остановился на секунду дольше, однако тут же получил от него острый, как нож, взгляд и послушно опустил голову. Вид у него был до смешного трусливый.

Цзян Лэ сел через два стола от Лю Тяньяна. Официант подошёл, как полагалось, принял у них заказ, забрал меню и ушёл.

Кончики пальцев Цзян Лэ легко постукивали по столешнице, выбивая почти неслышный звук. И вместе с этим звуком до его слуха доносился разговор за столом Лю Тяньяна. На таком расстоянии голоса звучали ясно, будто говорили прямо у него над ухом.

— Брат Лю, ты ведь на 1-й базе так неплохо устроился. Чего тебя ещё на это потянуло?

— Вот именно. Был бы у меня такой крутой брат и такой отец, я бы просто лежал на базе и наслаждался жизнью.

— Эх, да как бы ни были круты другие, другие всё равно остаются другими. У меня, Лю Тяньяна, всю жизнь одна мысль: в любом деле надо полагаться на себя!

Цзян Лэ не удержался и улыбнулся. Даже волчонок повернул голову и ещё раз посмотрел на Лю Тяньяна.

Лю Тяньян, однако, ничего не заметил и продолжил, раскрасневшись от самодовольства, хвастаться:

— Раньше у меня просто шанса не было. А теперь раз шанс появился, как его не ухватить? Кто знает, может, я ещё круче брата стану.

Двое остальных были не с 1-й базы, но тоже из соседних баз, и все трое, как обычные люди с кое-какими связями за спиной, жили на самом деле легче, чем некоторые низовые обладатели способностей. Лю Тяньян и Лю Цзяньхуа, эти два длинных языка, с тех пор как узнали, что прежние семена дал Цзян Лэ, немало об этом болтали повсюду. Поэтому эти люди тоже знали о существовании Лю Тяньяна.

Цзян Лэ в целом был в курсе этой истории, но особо её не принимал близко к сердцу. Если из-за этого с Лю Тяньяном и Лю Цзяньхуа что-нибудь случится, они сами это на себя навлекли. Сейчас Цзян Лэ волновало лишь одно: что за «шанс» имел в виду Лю Тяньян.

Эти люди явно были осведомлённее обычных людей, а раз теперь появились в Дунфане, едва ли пришли сюда просто прогуляться.

Пальцы Цзян Лэ, лежавшие на столе, чуть согнулись, а когда снова разжались, между ними уже оказалось несколько рисовых зёрен. Он легко щёлкнул ногтем, и три зерна сорвались с его пальцев. Летели они чрезвычайно быстро, но целился он только в такие места, как край одежды или поле шапки. Зёрна впились в ткань и, скрытые складками, спрятались так удачно, что никто ничего не заметил.

Затем Цзян Лэ мысленно двинулся, и оболочка этих рисовых зёрен слегка треснула. Изнутри показались совсем нежные ростки. Однако дальше они уже никак не менялись, а только застыли в таком состоянии, закрепившись на одежде людей.

Лю Тяньян лишь поднял руку и пару раз почесал шею, совершенно не обратив внимания на

рисовое зерно, появившееся у него на воротнике.

— Поедим, ещё немного погуляем, отдохнём, а вечером за нами машина приедет.

— Интересно, далеко ли туда ехать.

Эти несколько возбуждённых фраз были произнесены очень тихо. В это время перед Цзян Лэ уже поставили тарелку жареного блюда. Самым большим отличием от его прошлого визита было то, что сейчас во внешнем городе базы Дунфан тоже появилось немало видов нормальных обычных овощей. С виду они были свежими и нежными, и Цзян Лэ даже не нужно было брать палочки, чтобы понять: эти овощи пришли с фермы.

Из ресторана они вышли почти следом за Лю Тяньяном и его компанией, но Цзян Лэ не стал продолжать за ними идти. Вместо этого он взял волчонка и по-настоящему принялся неторопливо гулять по базе Дунфан.

Во внешнем городе базы Дунфан тоже была довольно большая жилая зона, однако Цзян Лэ туда не заходил. Официальный ли это член базы Дунфан или чужак, который временно здесь задержался, можно было ясно отличить по внешнему виду, поведению и манере двигаться. Впрочем, если всерьёз разбираться, даже официальные члены базы не походили на людей, которые собираются надолго здесь задержаться. Напротив, они спешили куда сильнее, чем чужаки.

Со стороны Цзян Лэ тоже выглядел как приезжий, который вошёл на базу посмотреть на редкость. Но на самом деле каждый его любопытный взгляд падал именно на тех, кого он хотел наблюдать. Если ему казалось, что за человеком стоило проследить дальше, он щелчком отправлял с кончика пальца неприметное семя и прятал его в каком-нибудь незаметном месте.

Незаметно для себя Цзян Лэ с волчонком вошли в универмаг. В прошлый раз, когда Цзян Лэ приходил сюда, он ещё не работал, а теперь внутри сновало немало обладателей способностей.

Цзян Лэ сразу увидел две лавки с мужской одеждой на втором этаже. И размеры, и фасоны были очень разнообразные. Сам Цзян Лэ, конечно, тоже когда-то запасал одежду, но в основном своего размера, да и выбор моделей был не слишком велик.

Поэтому, войдя в универмаг, он и правда нашёл себе цель для покупок.

По сравнению с современными торговыми центрами этот универмаг больше походил на заведение восьмидесятых-девяностых годов прошлого века. Но как ни крути, внешний город базы Дунфан всё больше приближался к тому, как выглядел мир до апокалипсиса. Такая особенность, передаваемая из уст в уста, возможно, даже без специальной рекламы Сян Пина уже обладала для многих людей огромной притягательной силой.

Цзян Лэ снял с вешалки рубашку, поднял её и примерил к волчонку. Решив, что смотрится неплохо, он велел ему переодеться и попробовать. Результат действительно оказался хорош: даже стоявшая рядом невозмутимая девушка-консультант посмотрела на него с заметным восхищением.

Она даже сама заговорила, но не с волчонком, а с Цзян Лэ. В нынешнем мире, если рядом находились обладатель способности и обычный человек, обладателя способности чаще всего по умолчанию воспринимали почти как опекуна.

— Господин, вы не думали о том, чтобы войти во внутренний город? Мне кажется, вероятность,

что ваш партнёр пройдёт отбор, будет очень высокой. В таком случае вы тоже сможете подать заявление и войти во внутренний город вместе с ним.

Цзян Лэ сделал удивлённое лицо:

— Правда?

Он вместе с консультантом посмотрел на лицо волчонка. В глазах консультанта не было влюблённости, это была чисто положительная оценка, словно садовод вдруг обнаружил на ветке безупречный плод.

Вспомнив свой прошлый опыт во внутреннем городе, Цзян Лэ кое о чём догадался, но полной уверенности у него не было.

Показав консультанту, что понял её слова, Цзян Лэ попросил помочь упаковать выбранную одежду и рассчитать покупку. Увидев выросшую перед ней гору вещей, консультант слегка удивилась, а потом улыбнулась Цзян Лэ:

— Мало кто покупает столько одежды за один раз. Господин, вы так хорошо относитесь к своему партнёру.

За такое количество вещей нужно было заплатить немало кристаллических ядер. Слово «мало» консультант употребила уже довольно мягко. На самом деле с тех пор, как универмаг Дунфана открылся, ещё никто не покупал одежду вот так.

Цзян Лэ улыбнулся и ничего не сказал. Он же не мог объяснить девушке-консультанту, что покупает столько одежды исключительно из настроения хозяина, который наряжает своего щенка.

Зато волчонок, услышав, как консультант сказала, что Цзян Лэ к нему хорошо относится, впервые за всё время после входа в магазин произнёс первую и единственную фразу:

— Спасибо.

На покупки ушло больше времени, чем рассчитывал Цзян Лэ. Ворота базы уже закрылись, людей на дороге стало заметно меньше.

Вернувшись в гостиницу и закрыв дверь номера, Цзян Лэ открыл карту в системном интерфейсе. Все посеянные семена после прорастания могли отслеживаться им. Однако сейчас, по наблюдениям, все семена, которые он сегодня разослал, всё ещё находились внутри базы Дунфан и пока не покидали эти координаты.

Но Цзян Лэ не возражал против ожидания.

Он закрыл окно, которое оставил открытым перед уходом, и вдруг услышал, как волчонок за его спиной спросил:

— Что значит «партнёр»?

Многие человеческие слова были волчонку совершенно незнакомы. Раньше он не слишком обращал на это внимание, но с тех пор, как научился превращаться в человека, у него появилась невиданная прежде жажда знаний. Цзян Лэ уже привык к этому.

В большинстве случаев Цзян Лэ отвечал серьёзно. Но иногда, например сейчас, мысли у него

чуть повернулись, и он сказал волчонку:

— Партнёр — это...

Он обернулся и посмотрел волчонку в глаза. Уверенно сообщил:

— Партнёр — это значит, что ты мой щенок.

— Поэтому, — добавил Цзян Лэ, — теперь превратись в щенка, покажи мне.

С тех пор как волчонок научился принимать человеческий облик, в щенка-четырёхглазку он превращался всё реже и реже, и Цзян Лэ давно был этим недоволен. Сейчас он одновременно обманывал и отдавал приказ.

Он думал, что волчонок не согласится или как минимум согласится не сразу. Но неожиданно волчонок вдруг уменьшился. Одежда, которая только что была на нём, свободно осела в воздухе и грудой упала на пол, накрыв превратившегося под ней щенка. Потом одежда зашевелилась, и из-под неё вынырнула собачья голова. Чёрные глазки влажно смотрели на Цзян Лэ.

Цзян Лэ чуть не схватился за сердце. Он быстрыми шагами подошёл вперёд, одним движением вытащил щенка из одежды и без всякого колебания прижал к лицу, потёрся щекой. Затем взял его на руки, одной рукой поддерживая в сгибе локтя, снова и снова обнимал и только потом положил щенка на кровать.

На кровати лежала только что купленная новая одежда. Волчонок два раза перекатился по ней, перенося на вещи запах Цзян Лэ, который только что к нему пристал, а затем перевернулся, встал на все четыре лапы и остановился.

— Спать будем? — спросил волчонок.

Их номер был стандартным двухместным, с двумя кроватями. Когда Цзян Лэ заселялся, он уже приготовился к тому, что каждый будет спать на своей кровати. Если бы сейчас это сказал волчонок в человеческом облике, Цзян Лэ абсолютно твёрдо сохранил бы свою волю. Но перед щенком-четырёхглазкой он оказался не в силах отказать.

Ночью, скорее всего, поспать не удастся. Немного отдохнуть сейчас тоже не помешает.

Цзян Лэ перенёс щенка на свою кровать, обнял его как плюшевую игрушку, прижал щеку к спине волчонка и не забыл предупредить:

— Не превращайся вдруг в человека посреди сна. Если превратишься, пойдёшь спать на другую кровать.

Ответил волчонок или нет, Цзян Лэ уже не запомнил. Вскоре после этих слов он заснул. Сумерки перешли в ночь, лунный свет поднялся на ветви, и только тогда Цзян Лэ открыл глаза.

Без сомнений, щенок в его объятиях снова стал человеком. И всё тело у него было горячим, как кусок угля. Погода теперь была не зимняя, не такая холодная, и такая высокая температура тела попросту разбудила Цзян Лэ от жары. Поза, в которой он перед сном обнимал волчонка, тоже превратилась в то, что волчонок обнимал его.

Цзян Лэ поднял голову и увидел чёткую линию подбородка волчонка. Недовольно толкнул его:

— Договорились же, что не будешь превращаться в человека. Почему ты снова превратился?

Но эта жалоба большого эффекта не имела. Что до того, что волчонок снова и снова не исправлялся после наставлений, Цзян Лэ считал: по-настоящему ему стоит задуматься о том, почему он каждый раз попадает на это, стоит волчонку принять вид щенка.

К счастью, одно дело быстро отвлекло внимание Цзян Лэ.

На системной карте отслеживания семян появились изменения. Некоторые семена покинули базу Дунфан и показывались в движении. Если не учитывать те, что двигались разрозненно и поодиночке, больше десятка ростков почти совпадали по скорости и находились в одном и том же транспортном средстве. Очевидно, что-то увозило их с базы вместе.

Если посмотреть на эти ростки, все они были рисовыми зёрнами. Это был Лю Тяньян и его компания.

Ещё в прошлый раз, во внутреннем городе, Цзян Лэ понял: база Дунфан была лишь временной точкой остановки. Если он хотел выяснить, чем именно Сян Пин занимается за кулисами, ему нужно было найти его настоящее логово.

В ночи две фигуры бесшумно покинули базу Дунфан. Следуя указаниям карты, они довольно быстро вышли на небольшой автобус. Внутри машины свет не горел, она была тёмной и тихо ехала сквозь ночь.

Дорога, по которой двигалась машина, явно была как-то переделана. Пока колёса по ней не проехали, она казалась заросшей всевозможными мутировавшими растениями. Но стоило машине приблизиться, эти растения заранее расходились в стороны, открывая ровное дорожное полотно внутри. Когда машина проезжала, они снова смыкались и возвращали маскировку.

На ветвях по обе стороны дороги местами сидели странные мутировавшие хищные птицы. Низкоуровневые были 4-го или 5-го уровня, те, что повыше, даже доходили примерно до 7-го. Не говоря уже о запахе мутировавших видов, который постоянно источали тёмные углы.

Чем дальше внутрь, тем больше это походило на маленькую зону мутаций. Если обычный человек приблизится сюда пешком, ему, боюсь, не понадобится и мгновения, чтобы превратиться в кровавое месиво.

Чтобы удобнее было скрытно двигаться, Цзян Лэ сначала отправил волчонка в пространство. Сам же издали следовал за автобусом, держа дистанцию в несколько сотен метров. Цзян Лэ снова и снова менял исходящую от себя ауру, идеально сливаясь с природой. Ни одна его остановка и ни одно ускорение не привлекали внимания мутировавших видов.

Автобус ехал большую часть ночи. Место становилось всё более глухим, пока наконец, примерно в двухстах километрах от базы Дунфан, машина не остановилась перед горной ложиной.

Рассветное небо отливало сине-чёрным. Цзян Лэ издали видел, как автобус въехал внутрь, прошёл две проверки у входа и был пропущен. Он открыл крышку посадочного сосуда. Аура кровавой лозы на одно мгновение вырвалась наружу, но, когда крышка снова закрылась, быстро вернулась в норму и не привлекла никакого внимания.

Несколько дочерних лоз за этот короткий промежуток уже стекли под землю и бесшумно начали разведывать обстановку поблизости, передавая её материнской лозе.

Находясь в пространстве, Цзян Лэ смотрел на примерную карту, сложенную из информации, которую дочерние лозы передавали в реальном времени: общая площадь этого комплекса, количество входов и выходов, даже движение машин у каждого входа — всё это спрятанная под землёй кровавая лоза успела прощупать до ясности.

Кроме дорог на поверхности здесь имелись ещё и расходящиеся во все стороны подземные ходы, только ими почти не пользовались. Цзян Лэ вспомнил ту большую чёрную змею и предположил, что эти подземные ходы, возможно, были предназначены для неё.

Цзян Лэ не стал действовать опрометчиво. Он подождал ещё два дня, полностью разобрался в том, как здесь входят и выходят люди, и только затем покинул пространство, выжидая возможность проникнуть внутрь.

Попасть туда можно было двумя способами. Совершенно посторонние въезжали на машинах, а принадлежавшие этому месту обладатели способностей могли проходить напрямую по распознаванию лица. Это место походило на увеличенную версию исследовательского института, в который Цзян Лэ когда-то пробирался.

***

После нескольких дней пути Е Сяо и Тан Даган наконец вернулись в зону влияния главной базы. Оба были обладателями способностей 6-го уровня, и снаружи в большинстве ситуаций им ничего не угрожало, но возвращение на главную базу всё равно давало куда больше спокойствия.

Когда до места оставалось всего один-два километра, Е Сяо вдруг почему-то остановился. Желание помочиться накрыло его так бурно и беспричинно, что в голове будто появился голос: если он сейчас же не отойдёт, терпеть дальше будет невозможно. Поэтому он повернулся к Тан Дагану и сказал:

— Даган, ты иди вперёд. Я отойду в сторону отлить.

Тан Даган зевнул и раздражённо сказал:

— Чёрт, уже почти пришли, а тебе ещё надо ссать снаружи? Вернёшься домой, там разве не удобнее?

Е Сяо отмахнулся и полез за дерево, ругаясь в ответ:

— Блин, если приспичило срать или ссать, надо же пойти, что, теперь терпеть? Я просто отолью, а у тебя и тут столько слов.

Тан Даган видел, как фигура Е Сяо исчезла за деревом, а затем услышал, как моча бьёт по листьям. На лице у него тут же появилось брезгливое выражение, и он ускорил шаг, уходя ещё на несколько десятков метров вперёд.

Они только что возвращались с задания по проверке координат метеорита. В этот раз им удалось успешно определить место, где, возможно, находился метеорит, и это считалось заслугой. После возвращения они смогут хорошенько отдохнуть. Тан Даган уже рвался поскорее добраться до главной базы, доложить о выполнении, а потом вернуться во внутренний

город Дунфана и наслаждаться жизнью.

В голове он уже всюю представлял себе это и совершенно не следил за движением Е Сяо позади. Впрочем, прошло совсем немного времени, и сзади раздались шаги. Тан Даган небрежно оглянулся: Е Сяо вышел из-за дерева. Только непонятно почему после этой мочёжки он будто был весь не в своей тарелке и всё тянул край одежды.

— Да чтоб тебя, ты ещё и на себя нассал? У тебя член кривой, что ли? — Тан Даган увидел пятно мочи на одежде Е Сяо и с крайним отвращением скривился.

Е Сяо не ответил, лишь закашлялся, прикрыв горло рукой, и сиплым голосом сказал:

— Только что какой-то жук прямо в горло залетел. Жутко неприятно.

— Какой жук?

Е Сяо покачал головой:

— Не знаю. Стоит заговорить, горло болит.

По виду ему становилось плохо от каждого лишнего слова, и Тан Даган не придавал этому большого значения. Только краем глаза посмотрел на Е Сяо и вдруг ощутил, что тот после похода за дерево словно стал белее. Он не удержался, поднял руку и поднёс к руке Е Сяо, сравнивая.

Е Сяо оттолкнул его руку и грубо бросил:

— Ты больной, что ли?

Но от этого движения Тан Даган вдруг обнаружил, что цвет кожи у них на самом деле почти не отличается. Впереди уже смутно виднелся вход на главную базу, и Тан Даган больше ничего не сказал, только ускорил шаг.

Там, куда он уже не смотрел, за тем деревом, у которого Е Сяо только что мочился, настоящий Е Сяо уже превратился в труп. Несколько лоз впились в его тело через пять отверстий лица, выпустили яд, и за одно мгновение Е Сяо стал кожаным мешком, наполненным кровью. Лозы слегка втянули, и его кожа тоже исчезла. Весь человек будто никогда не существовал. Осталось только упавшее кристаллическое ядро. Оно не было полностью прозрачным: в самой сердцевине внутри был заключён крошечный, почти незаметный кусочек вещества, который сразу же после смерти Е Сяо потемнел.

Дочерняя лоза сперва хотела тайком проглотить и это кристаллическое ядро, но, попробовав, тут же выплюнула. Ей оставалось только обвить его лозой и позже, когда появится возможность, передать Цзян Лэ для обработки.

Цзян Лэ стоял рядом с Тан Даганом и изо всех сил старался хорошо сыграть роль Е Сяо. Наблюдать за Е Сяо он начал ещё за день до этого, запоминая его интонации и привычки речи. К тому же в голове у него теперь была информация о пережитом Е Сяо, которую мутировавший женьшень получил в тот миг, когда вторгся в его мозг. Среди этих сведений встречались даже такие, о которых сам Е Сяо, возможно, никогда никому не рассказывал.

Если уж говорить честно, возможно, именно Цзян Лэ сейчас был человеком, который понимал Е Сяо лучше всех в этом мире.

Поэтому даже Тан Даган не заметил ни единой нестыковки. Стражи у входа, которые знали Е Сяо ещё хуже, тем более не могли что-то заподозрить.

Сверили имя и фотографию, и стража пропустила их внутрь.

Цзян Лэ наконец прошёл через ворота места, которое называли главной базой, и увидел его внутренний облик.

Снаружи его контур образовывала естественная горная порода. В целом он напоминал букву U: снаружи был виден только один вход и выход, остальные же выходы находились под землёй.

Внутренние здания тоже строились вдоль горы и делились на три корпуса. Два корпуса по бокам были узкими и длинными, а корпус в нижней части — квадратным, с самой большой площадью. Самые высокие здания были в пять этажей, низкие — в три. Снаружи в них не было ничего особенно примечательного, но по степени новизны построек можно было понять: эти здания, вероятно, возвели незадолго до апокалипсиса.

В отличие от исследовательского института в Дунпине, который использовал уже готовую курортную зону, здешние здания больше походили на специально подготовленные к апокалипсису.

Цзян Лэ стоял у входа. Его взгляд лишь быстро скользнул по нескольким зданиям, но и этого времени ему уже хватило, чтобы с помощью зрения получить достаточно информации.

В левой от него постройке половина комнат считалась общежитием обладателей способностей. Внутри были столовая, медпункт, комнаты отдыха, а на первом этаже даже оборудовали площадки для бадминтона, баскетбола, теннисный корт и тому подобное.

Здание справа было самым низким. Соответственно, таких удобств там было не так много. По внешнему виду и табличкам у некоторых помещений оно больше походило на корпус медицинского назначения. В коридорах иногда появлялись люди в форме медсестёр. В воздухе едва ощутимо пахло дезинфекцией и кровью, идущей от человеческих ран.

Что до квадратного небольшого здания в нижней части, его двери и окна были плотно закрыты. По внешнему виду больше ничего понять было нельзя.

В самом центре между зданиями половину занимала парковка, на которой стояли четыре-пять до боли знакомых Цзян Лэ маленьких автобусов. Другую половину занимало озеленение: густо-зелёный газон и деревья. Под деревьями разрозненно росли цветы ликориса.

Рядом с автобусами висело расписание, где были отмечены рейсы туда и обратно до базы Дунфан. Оказывается, автобусы внутреннего города Дунфана тоже поддерживали сообщение с этим местом.

И всё это были лишь здания на поверхности. Цзян Лэ слегка опустил взгляд и посмотрел на ровную землю, не зная, что ещё скрыто под ней.

— Эй, ты чего застыл? — голос Тан Дагана вернул Цзян Лэ к действительности. — Пошли.

— Сдадим отчёт, немного отдохнём. Слышал, обратный автобус только что ушёл. Я тебе говорю, если бы не твоя мочёжка, может, мы бы на него успели.

— Чушь собачья, сколько времени у меня могло занять отлить? — Цзян Лэ, подражая манере Е

Сяо, выругался в ответ. Затем добавил: — Мне сначала надо одежду сменить. Пойду в общежитие. С докладом и отчётом сам за меня упрaviшься.

Тан Даган, хоть и ворчал сквозь зубы, всё же не отказался и пошёл в другую от Цзян Лэ сторону.

По наземным корпусам, похоже, можно было передвигаться довольно свободно: Цзян Лэ не увидел ни одного пункта проверки. А вот как попасть под землю и что именно там есть, ему ещё предстояло придумать.

В комнате общежития, где Е Сяо жил вместе с Тан Даганом, Цзян Лэ переоделся, а потом достал и быстро осмотрел личные вещи Е Сяо. Большая часть была бесполезна. Пригодилось только одно «рабочее удостоверение» с именем и фотографией. Оно явно было необходимо при прохождении некоторых постов.

Комната общежития была небольшой, но всё необходимое в ней имелось. В ванной даже была водопроводная вода, электрический свет включался нажатием выключателя. Попадая сюда, человек словно возвращался к удобной современной жизни.

На внутренней стороне двери висел плакат с двумя строками:

«Дом — самая прекрасная гавань человечества».

«Никогда не забывай дорогу домой».

Взгляд Цзян Лэ задержался на этих словах на секунду, затем он отвёл глаза, взял с собой рабочее удостоверение Е Сяо и вышел.

<http://bllate.org/book/17649/1691118>